

**А. В. Гордон**

## **ФЕДЕРАЛИСТСКИЙ МЯТЕЖ**

Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.

**Французский ежегодник, 1967.**

М., 1968.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Ближайшим следствием восстания 31 мая — 2 июня 1793 г., непосредственным ответом на победу антижирондистского блока в Париже был так называемый федералистский мятеж. Употребление этого термина в современной исторической литературе не означает, что предводители мятежников вдохновлялись идеалами федерального устройства страны. Этот термин возник, как известно, в связи со стремлением жирондистских вождей опереться на провинцию в своей борьбе с якобинцами и противопоставить поддерживающему их Парижу федерацию, объединение департаментов.

Почти с самого начала работы Конвента, с осени 1792 г., администрация ряда департаментов пыталась повлиять на ход борьбы в нем. Уже в начале нового, 1793, года, в период ожесточенных схваток, сопровождавших суд Конвента над королем, власти Верхней Луары, Канталя, Ода, Тарна, Дордони, Верхней Вьенны, Эндра-и-Луары, Мёрты, Мен-и-Луары и некоторых других департаментов выступили за создание департаментской стражи для защиты жирондистского большинства Конвента<sup>1</sup>. Наоборот, некоторые другие провинциальные административные органы и особенно народные общества присылали петиции, поддерживавшие якобинцев.

Весной 1793 г. в Марселе и Лионе произошли антиякобинские перевороты; острые схватки отмечались в Бордо, Тулузе, департаментах Юга, Страсбурге. Но и там, где не было открытых столкновений, складывалось напряженное положение. На местах ощущали, что революция переживает критический момент, и выражали стремление активно вмешаться в судьбу страны. Во многих департаментах встретил поддержку призыв властей Эро о создании специальных вооруженных отрядов для подавления внутренних врагов. Власти Эро имели в виду прежде всего вандейский мятеж. Но в последующих решениях некоторых департаментов цели таких отрядов трактовались довольно широко.

Ссылаясь на одобрение решения администрации Эро Конвентом, директория департамента Эн приняла 18 мая резолюцию о создании департаментской стражи “для предупреждения или подавления восстаний, которые могут быть порождены обстановкой кризиса, переживаемого республикой”<sup>2</sup>. Делегаты дистриктов были вызваны на чрезвычайное совещание. Оно должно было состояться 27 мая<sup>3</sup>. В этот день в столице департамента было решено поддержать обращение властей соседнего департамента Юры о созыве в Бурже собрания заместителей депутатов, которое должно было проходить под охраной вооруженной силы<sup>4</sup>. Таким образом, откликаясь на призывы жирондистских лидеров<sup>5</sup>, власти некоторых департаментов решили создать специальные формирования, чтобы силой изменить ход борьбы в Париже. Однако в департаменте Эн решение о создании департаментской стражи натолкнулось на возражения советов некоторых дистриктов.

Генеральный совет дистрикта Шатийон-сюр-Шаларонн, возражая 23 мая против решения департаментских властей, утверждал, что внутри департамента царствует спокойствие благодаря “природным качествам граждан и климату”. Он не видел в существующей обстановке особой угрозы, требующей чрезвычайных мер. Напротив, он опасался, как бы эти чрезвычайные меры не создали при “нынешних обстоятельствах”, “когда ненавистные клики раздирают республику”, благоприятную почву для “агитаторов” и “врагов восстановления силы законов” и не привели к гражданской войне. Он ссылаясь на пример департамента Роны-и-Луары, “ставшего жертвой междоусобиц, вызванных этим скоропалительным набором столь большой вооруженной силы”<sup>6</sup>.

Однако после того, как до Эн дошли известия о восстании в Париже и власти департамента, заявив резкий протест против “насилия” над Конвентом<sup>7</sup>, решили созвать новое совещание представителей дистриктов, администрация Шатийон-сюр-Шаларонн забила тревогу. Не дожидаясь совещания, намеченного на 18 июня, она направила своего представителя в центр “для обсуждения и принятия решений” относительно “общественного спасения и последних событий в Париже”<sup>8</sup>. А в

другом дистрикте департамента 10 июня собрание администраторов дистрикта и “конституционных властей г. Монлюэль”, “заслушав чтение резолюции департамента Юры от 7 июня относительно преступлений, совершенных в Париже 30 мая — 2 июня”, одобрило эту резолюцию и решило принять меры для “поддержания порядка и исполнения законов”: сформировать роту артиллеристов для обслуживания пушек, которые будут отлиты в городе, и мобилизовать по 12 человек от каждого из 9 батальонов дистрикта, в случае если не будет организовано департаментской стражи. Оружие для них собирались достать в Лионе, для чего выделили специального человека. В соответствии с резолюцией департаментских властей был назначен свой представитель для “обсуждения всего того, что может представлять интерес для всеобщей безопасности и общественного спасения”<sup>9</sup>.

Зафиксировавшие эти события документы позволяют нам проследить, как начинался федералистский мятеж в одном из департаментов. Своеобразием местного политического климата было относительное спокойствие, отсутствие открытых внутренних конфликтов. Но мы видим, как стремление к “поддержанию порядка и исполнению законов”, страх перед гражданской войной привели, после того как в Париже победило народное восстание, к оппозиции Конвенту, а затем и к открытому выступлению против него во имя “всеобщей безопасности и общественного спасения”.

Трудно указать точное число департаментов, охваченных федералистским мятежом. Прежде всего нет необходимых критериев для такой классификации. Оппозиция департаментов выражалась очень неодинаково: от вооруженной борьбы с войсками Конвента до робких пожеланий быстрее суда над жирондистами (не для юридической санкции их наказания, как требовали в июне Робеспьер и “бешеные”, а для беспристрастной оценки их деятельности). От федералистского движения не осталось документа, в котором бы отразилась общая платформа.

Призыв администрации департамента Кот-д'Ор о созыве делегатов всех департаментов в Бурже для выработки петиции против раскола и борьбы в Конвенте<sup>10</sup> нашел поддержку у многих департаментских властей, но это обращение было принято 29 мая, т.е. до восстания в Париже, и сразу же после него сами авторы отказались от своего проекта<sup>11</sup>, а за ними последовали и другие<sup>12</sup>.

Необходимо также учитывать, что то или иное решение департаментских властей далеко не всегда было выражением равнодействующей соотношения сил внутри департамента. Однако состояние архивных материалов и степень их опубликованности не позволяют проследить позиции отдельных сельских коммун или городских секций в общенациональном масштабе. В попытках синтеза приходится опираться на официальные материалы и прежде всего петиции отдельных местных органов власти и клубов в Конвент. Они вместе с привлечением мемуаров и протоколов департаментской администрации, находящихся в местных архивах, являются базой значительного числа локальных исторических работ. Так написана и сводная работа Валлона.

На основе материалов этой книги, петиций в Конвент и других официальных документов, содержащихся в “Парламентских архивах”, среди которых надо отметить доклад Жюльена (из Тулузы), представленный от имени Комитета общей безопасности<sup>13</sup>, а также публикаций А.Олара и П.Карона<sup>14</sup>, мы попытались сделать ориентировочный подсчет. В результате оказалось, что немногим больше половины, примерно 45 департаментов, выразили решениями своей администрации протест против восстания 31 мая — 2 июня. Приводимое же обычно в исторической литературе число 69 не более чем повторение уверений самих федералистов. Просматривая исторические материалы, мы обратили внимание, что именно мятежники муссировали эту цифру.

Но надо заметить, что нам приходилось учитывать и такие формы оппозиции, как присоединение уже после известий о восстании к обращению администрации Кот-д'Ор или решение о созыве собраний для суждения о событиях 31 мая — 2 июня. Очень немногие из отмеченных нами департаментов открыто отказались признать Конвент в его новом составе. В ряде мест жирондистские симпатии департаментской администрации встречали энергичный отпор со стороны муниципалитетов центральных городов либо центральных клубов. Случалось, что уже принятую резолюцию протеста против событий 31 мая — 2 июня не отправляли в Конвент. Так было, например, в Пюи-де-Дом. Власти некоторых департаментов (Ло, Дордони, Ландов, Вьенны, Верхней Вьенны и др.), приняв “оппозиционные” решения, через 8—10 дней “одумывались” и объявляли их недействительными. Конечно, такая внутренняя борьба и колебания в оценке парижского восстания были и в департаментах, не заявивших официального протеста. Поэтому мы и считаем наш подсчет сугубо ориентировочным.

Несмотря на приблизительность наших изысканий, можно установить тяготение основных районов федералистского мятежа к атлантическому и средиземноморскому побережьям. Это были преимущественно высокоразвитые в экономическом отношении районы Франции, группировавшиеся вокруг центров внешней торговли и производства на экспорт (а также производства, связанного с импортом). Лориан — вотчина Индийской компании, Нант, ставший с 1730 г. “городом неготорговцев (negriers)”<sup>15</sup>, Бордо и Марсель — другие центры этой торговли, приносившей беспримерные прибыли (снаряжение корабля за два рейса окупало предварительные затраты<sup>16</sup>), Монпелье, Ним, Гренобль — центры текстильного производства, Лион, продукция которого составляла четверть французского экспорта<sup>17</sup>, оказались очагами мятежа. Экономическая жизнь этих городов и связанной с ними обширной периферии находилась в стагнации из-за разрыва внешних связей, и это было могущественным фактором недовольства буржуазии и широких слоев населения.

Социальная структура здесь характеризовалась яркой контрастностью. В Бордо, например, резко выделялась торгово-промышленная верхушка из 60 мультимиллионеров. Эти купцы, “негоцианты”, как их обычно называли, одновременно были судовладельцами и хозяевами мануфактур в Бордо, колонизаторами Антильских островов и “неготорговцами” в Африке<sup>18</sup>. Антагонизм богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых проявлялся в таких городах острее, чем в менее развитых в экономическом отношении центральных департаментах, и “движение Социального страха” раньше и сильнее захватило местную буржуазию, неудержимо влекло ее в лагерь контрреволюции.

Внешне федералистское движение было облечено в подчеркнутые демократические формы: созывались первичные собрания, федералистские решения освящались авторитетом делегатов коммун. Напомним, что в Марселе и Лионе перевороты происходили в форме выступления “большинства” секций против якобинских муниципалитетов. Ходячим стало противопоставление “господства клубов”, т. е. якобинского режима, “жирондистскому или роландистскому царству секций”<sup>19</sup>.

Это позволяет предположить, что федералистское движение вначале получило поддержку относительно широких слоев или, точнее, не вызвало сопротивления с их стороны. Известную роль в этом сыграла дезинформация общественного мнения жирондистской пропагандой. Один из агентов Исполнительного совета сообщал 31 июля из Нима, что “вначале (там) вызвало удивление, что есть люди, которые, признавая (монтаньярский) Конвент, не убивают на больших дорогах и не шарят по карманам”<sup>20</sup>. В федералистских районах часто муссировали “сверху” слухи о роялистских устремлениях якобинцев. Не случайно в документах тех дней часто подчеркивается, что участники федералистского движения не столько “злонамеренные”, сколько “плохо информированные”<sup>21</sup>.

Официальные лозунги не дают ясного представления о характере федералистского движения. В них подчеркиваются чисто политические цели: “Отпор анархии”, “Сопротивление угнетению”, “Защита национального представительства”. А. Кальве справедливо замечает, что умолчание о социальных проблемах было связано с разнородным составом федералистского движения<sup>22</sup>. Вожаки федералистов, как и жирондистские лидеры Конвента, больше всего боялись обострения социального антагонизма внутри третьего сословия. “Центральное собрание сопротивления угнетению” — федералистский орган северо-западных департаментов — призывало покарать парижских революционеров как раз за то, что они разделяют “граждан на два класса, всех неимущих против имущих, внушая богачу беспокойство за свое добро и лишая бедняка всякого вида помощи покушением на собственность”<sup>23</sup>.

Чтобы сохранить единство своих рядов, федералисты не брезговали социальной демагогией. Они уверяли, что трудности с продовольствием вызваны скупками для Парижа, что этот город, “заставляя Конвент делать все, что он захочет”, запасся “продовольствием на 8 месяцев вперед, в то время как наши департаменты напрасно требуют снабжения на несколько дней”<sup>24</sup>. “Вы платите за хлеб 10, 15 су за фунт”, — твердила народу федералистская пропаганда, — а Париж платит за него 3 су. Так не удивляйтесь, если Париж любит революцию, и извольте тоже любить революцию, которая благоприятствует Парижу. Умирайте с голоду, в то время как бывшая столица изобилует продовольствием, за которое она даже не обязана платить”<sup>25</sup>.

Такая пропаганда имела определенный успех, во всяком случае, вызывала потребность борьбы с нею. В передовой статье “Journal de la Montagne” от 23 июля Аристид Валькур пытался душещипательным примером вызвать сочувствие жителей департаментов к судьбе парижан, убедить их, что парижане несут все тяготы трудного продовольственного положения республики<sup>26</sup>.

Но федералисты вынуждены были не только пропагандой отвечать на самый больной вопрос для плебейских масс всей страны летом 1793 г. — вопрос о хлебе. В Марселе при генеральном совете создали продовольственное бюро, которое должно было заняться распределением продуктов питания среди бедноты со скидкой за счет добровольной подписки. Однако, как с сожалением констатировал издатель газеты “Journal de Marseille” Божар, имущие не хотели понять, что “нынешний момент — время жертв”<sup>27</sup>.

Федералистские лидеры по своей социальной природе были неспособны решить злободневные вопросы, от которых зависело положение народа. Поэтому в федералистском лагере не могло быть сколько-нибудь прочного единства. Показательна в этом отношении позиция крестьянства. Деревне было особенно трудно разобраться в происках федералистской администрации из-за невежества крестьян и одностороннего освещения событий местной администрацией.

Федералистская пропаганда делала ставку на собственнические чувства крестьян. В обращении к сельским жителям, выпущенном через несколько дней после переворота 29 мая, лионские мятежники пытались уверить крестьян, что якобинцы являются сторонниками “аграрного закона”. “Грабеж и раздел — ...их лозунги (mots de ralliement): грабеж в городах, раздел в деревнях. Этой надеждой, разрушительной для всякого общества, возбуждают они алчность тех, кто их слушает. Они обращаются по преимуществу к беднякам и поденщикам, чтобы поднять их на бунт против собственников”<sup>28</sup>, — подчеркивали авторы обращения.

Существовали определенные предпосылки для создания единого фронта имущих слоев города и деревни. Зажиточные крестьяне, как и буржуазия, были недовольны законом о максимуме цен на зерно, принятым Конвентом под давлением масс. Политика таксации и реквизиций вызывала возмущение у тех и у других. Имущие слои деревни протестовали против декрета 7 марта о равноправии наследников при разделе имущества и выпущенного монтаньярским Конвентом 10 июня декрета, согласно которому общинные земли подлежали подушному разделу.

Зажиточное крестьянство увидело в этом декрете покушение на собственность, угрозу “аграрного закона”. Участники собрания в Эйгюранде (департамент Коррез) требовали “чтобы раздел общинных земель был произведен пропорционально достатку (a tour de bien), так как иначе он будет покушением на собственность, и это повлечет за собой междуусобицы и аграрный закон”. “Нужно, — продолжали они, раскрывая социальную сущность своих требований, — чтобы в республике были дома с определенным состоянием”<sup>29</sup>.

Нередко против декрета 10 июня выдвигались соображения агротехнического порядка. Но и в этом случае социальный подтекст составляла та же суть. Так, одно из сообщений из Понсена, требовавшее, чтобы раздел был произведен пропорционально величине арендованного участка, доказывало, что иначе “крупные арендаторы, лишённые удобрений, будут вынуждены оставить половину своей земли необработанной”<sup>30</sup>.

Антиякобинские настроения среди имущих слоев деревни были распространены довольно широко. Нередки были случаи, особенно в районах крупного товарного хозяйства, когда деревенская верхушка — фермеры и богатые земледельцы (cultivateurs) поддерживали федералистские выступления. Так, в дистрикте Пон-л’Эвек (департамент Кальвадос) среди 19 членов администрации, подписавших федералистское воззвание, насчитывалось 10 cultivateurs. Почти все они были выборщиками, следовательно, обладали “определенным достатком”, как справедливо подчеркивает А. Кальве<sup>31</sup>. На контрреволюционных позициях оказались летом 1793 г. оливководы Юга<sup>32</sup>. Жирондистско-федералистская пропаганда затронула имущие слои деревни и в других районах Франции. На многих собраниях во время обсуждения конституции одновременно с протестом против уравнивания прав наследования, против подушного раздела общинных земель либо против максимума цен на зерно, предъявлялись и политические требования более или менее определенного прожирондистского характера<sup>33</sup>.

Можно указать здесь на собрание в Бессене (сельский дистрикт Лиона), требовавшее освобождения жирондистов в силу их депутатской неприкосновенности, собрания в Кастельмороне (Ло-и-Гаронна) и Сен-Пе (Нижние Пиренеи), требовавшие, чтобы законодательный корпус заседал вне Парижа, собрания в Понсене (Эн) и Сен-Мартен-де-Валамасе (Ардеш), протестовавшие против посылки комиссаров Конвента в провинцию и добивавшиеся отмены декрета об уравнивании прав наследования. Сходки в этих и некоторых других сельских районах потребовали, чтобы члены Парижской коммуны и Конвента представили финансовый отчет, протестовали против низкой цены на хлеб в Париже, не желали, чтобы члены Конвента были допущены в будущий законодательный орган<sup>34</sup>.

Однако симптоматично, что свои социально-экономические требования такие собрания обосновывали зачастую ссылкой на Декларацию прав, выработанную монтаньярским Конвентом. Статьи 16 и 19 декларации, утверждавшие неограниченное право собственности, приводились в обоснование протеста против декретов о равных правах наследников, о подушном разделе общинных земель, о максимуме цен на зерно<sup>35</sup>.

Враждебные якобинцам требования часто сочетались с поддержкой действий якобинского Конвента, направленных против остатков феодализма. Собрание в Сен-Тривье (Эн) одновременно с требованием быстрейшего суда над лидерами жирондистов и оправдания их в случае невиновности, возражением против посылки членов Конвента в качестве комиссаров выражало желание, чтобы “веселый огонь поглотил все поземельные описи имений (*terriers*) и вообще всякие феодальные титулы (*titres feodaux*) в знак торжества равенства, свободы и *неограниченной (entiere) собственности*”<sup>36</sup> (курсив наш.— А. Г.). Декрет 17 июля об уничтожении всех без исключения феодальных рент и сожжении документов, дававших право на их получение, должен был удовлетворить желание этих поборников “неограниченной собственности”. Якобинский декрет 17 июля должен был прийтись по душе также участникам собраний в Шейларе (Ардеш), Лапло (Коррез), Виллофрике и Вильбрюнье (Верхняя Гаронна), Шалю (Верхняя Вьенна), Ледерге (Авейрон), в решениях которых, наряду с протестами против декрета, устанавливающего равенство при наследовании имущества, или декрета о максимуме цен на зерно, содержались антифеодальные требования<sup>37</sup>. Как нам кажется, это доказывает, что социальные слои деревни, которые выступали с подобными протестами, могли искать какой-то *modus vivendi* с Конвентом, что в деятельности монтаньяров после восстания 31 мая — 2 июня были некоторые стороны, импониравшие этим (имущим) слоям, подрывавшие силу влияния на них федералистской пропаганды.

В то же время между зажиточным крестьянством и крупной городской буржуазией были свои противоречия, между ними шла борьба за земли духовенства и эмигрантов, за то или иное распределение налогового бремени. Именно имущие слои крестьянства продиктовали антифедералистский адрес города Сен-Флура (Канталь)<sup>38</sup>, где, в частности, говорилось, что “капиталисты богатых городов вечно находятся в привилегированном положении” и что “даже принудительный заем пропорционально их достоянию не столь обременителен, как налоги с сельского хозяйства”<sup>39</sup>.

Равным образом коммуна Феррьер-о-Доайен (Кальвадос) требовала, чтобы крестьяне, ведущие самостоятельное хозяйство, так называемые “пахари” (*laboureurs*), не облагались налогом на движимость, но чтобы с “негоциантов и коммерсантов взыскивали по особой статье”<sup>40</sup>.

Несмотря на антиякобинские настроения зажиточного крестьянства, добиться его активной и прочной поддержки, создать единый фронт имущих слоев города и деревни федералистам в большинстве мест не удалось. Зато им пришлось столкнуться в деревне с непримиримой враждебностью крестьянина-труженика, уже испытавшего эксплуатацию буржуазного города. Так авторы антижирондистской петиции от сельской коммуны дистрикта Бордо заверяли Конвент, что “сумеют внушить богачам-горожанам уважение к добродетельному классу трудящегося народа, без которого они будут ходить босые, без нижнего белья, рубашки, шапки и вынуждены будут щипать траву”<sup>41</sup>.

Федералисты, выступившие против революционной власти, которая несла крестьянам освобождение от феодальной зависимости, против конституции, которая освящала их политические права, становились для крестьянской массы таким же врагом, как феодаль-роялисты. Вот несколько сообщений, полученных Конвентом. Жители сельского кантона из департамента Кот-д'Ор приветствуют конституцию, давшую им равенство; они выражают надежду, что образование обеспечит их детям доступ к административным постам и даже в Конвент; они приветствуют декреты против жирондистов, так как те мешали идти к “благой цели”. Сельская коммуна в департаменте Дром, вопреки нажиму “роялистов-горожан”, голосует за конституцию. Она клянется своими плугами в ненависти к феодализму. Члены деревенского общества Друзей республики из Мозельского департамента, испытавшие гнет рабства и не желающие его возвращения, клянутся “в вечной ненависти к деспотам, предателям и вероломным федералистам”<sup>42</sup>.

Массовая манифестация крестьянства во время голосования конституции в июле 1793 г. была наиболее отчетливым выражением его отношения к федералистскому мятежу. Но с враждебностью сельских жителей федералисты столкнулись уже в первые недели мятежа. Одно из подтверждений тому — выписка из протокола заседания коммуны Превессен в департаменте Эн (дистрикт Нантуа).

Когда администрация департамента для поддержки своих федералистских планов приняла 19 июня решение о созыве по кантонам представителей коммун, коммуна Превессен выступила с протестом. Она оспаривала законность решения департаментских властей на том основании, что члены администрации департамента не имеют права созывать представителей “различных секций республики”, которое принадлежит исключительно Конвенту. Она клялась в верности Национальному конвенту и в уважении к исходящим от него законам<sup>43</sup>.

Деревенские муниципалитеты саботировали призывы федералистских властей также в департаментах Верхней Гаронны и Роны-и-Луары<sup>44</sup>. Агенты Исполнительного совета, разъезжавшие по стране в июне — июле 1793 г., часто подчеркивают лояльность жителей деревни, ставя их в пример горожанам<sup>45</sup>.

Но и в городах быстро нарастал процесс размежевания. Большое влияние оказывал сам факт продолжения нормальной работы Конвента, прекращения постоянных стычек и “гладиаторской борьбы” двух партий, вызывавших общее недовольство в стране, выработка конституции и аграрное законодательство. Показательно письмо рядового депутата, не принадлежавшего ни к одной из партий, своим избирателям. Возмущение событиями 2 июня, осадой Конвента парижанами не помешало ему через день трезво взглянуть на вещи. “Если агенты Питта, — писал этот депутат своим землякам из департамента Соны-и-Луары, — не смогут дать дальнейший ход нынешнему движению (т. е. движению 31 мая — 2 июня.— А.Г.), возможно, что Конвент, освобожденный от партий, которые раскололи его, станет эффективнее работать над конституцией”. “Если наши заседания станут спокойными, — продолжал он, — если из нашего зала станут выходить полезные декреты, тогда нужно, чтобы департаменты не утвердили (этого не может быть), но закрыли глаза на события 2 июня”<sup>46</sup>. Обширное политическое “болото” в стране следует этому вышедшему из конвентского “болота” призыву. Центристы, те, кто не выявил вначале своего отношения к восстанию 31 мая и монтаньярскому Конвенту, обращаются в Конвент с декларациями лояльности; умеренные федералисты также спешат сделать это.

“Республиканцы Сен-Фаржо” — авторы одного из обращений к Якобинскому клубу Парижа, заявив, что они “признают в настоящий момент целостность, свободу и авторитет Конвента”, подчеркивали при этом, что “они ненавидят федерализм и королевскую власть так же, как и аграрный закон”<sup>47</sup>. Деятельность Конвента после 2 июня развеяла вымысел жирондистской пропаганды об “анархизме” и экспроприаторских устремлениях якобинцев. Сен-Жюст в докладе 8 июля утверждал, что Конвент своей политикой “успокоил испуганных собственников”<sup>48</sup>.

Он был прав в отношении той их части, которая готова была согласиться даже с принудительным займом, если платить придется “богачам” и притом в строго установленном порядке. Выражение позиции этих слоев, первоначально примкнувших к федералистам, мы видим в резолюции генерального совета дистрикта Шатийон-сюр-Шаларони (Эн) от 23 мая. Говоря о налоге на богачей, резолюция указывала, что “несомненно, они (богачи.— А. Г.) должны принести родине самые большие жертвы, поскольку у них есть больше всего того, что нужно защищать и охранять; но если не установить какого-либо правила в их обложении, если действовать произвольно, то как примирить это с уважением к собственности и отвращением к тому, что называется аграрным законом, так как тот, кого произвольно лишат дохода, разве может быть уверен, что завтра у него не отнимут также и землю”<sup>49</sup>.

Главным для этих умеренных федералистов было, чтобы существовал “порядок”, чтобы были сохранены и гарантированы самые основные устои сложившегося в результате революции буржуазного строя. В этих условиях они готовы были примириться со значительными пертурбациями в политической и социально-экономической областях. Монтаньярский Конвент проявил склонность и способность к поддержке “порядка”, и средние слои, которые примкнули к федералистскому мятежу из-за “страха грабежа и анархии”<sup>50</sup>, покидали ряды федералистов. Небесполезно проследить, поскольку представляется возможность, эволюцию политических настроений в департаменте Пюи-де-Дом, склонность которого поддерживать федералистов агент Исполнительного совета Ле Бретон в донесении 5 июня объяснял именно таким страхом<sup>51</sup>.

Департамент Пюи-де-Дом, как и департамент Эн, в котором мы отмечали то же недовольство “бессилием законов” и страх перед разрушительностью “революционных мер”, был в экономическом отношении относительно слабо развитым. Крупная торгово-промышленная буржуазия была здесь немногочисленна. Ле Бретон отмечает в столице департамента Клермон-Ферране лишь один торговый дом с капиталом в полмиллиона франков. Социальные контрасты здесь были, следовательно, слабо выражены, и серьезных внутривнутриполитических конфликтов накануне антижирондистского восстания не происходило. Однако незадолго до 31 мая администраторы департамента направили в Конвент

обращение, полное тревоги и отчаяния. “От свободы осталось одно название, — говорилось в нем, — необузданное своеволие заняло ее место; законы не имеют силы, власти безвластны; анархия, произвол царят повсюду...”<sup>52</sup>.

После победы народного восстания администраторы принимают новое обращение к Конвенту. “Вы порабощены, — заявляли они депутатам, — последние события не оставляют в этом сомнения. Губящая свободу клика диктует вам законы...”. Департаментские власти поддерживают идею федералистской коалиции: “Объединение всех подлинных друзей порядка — единственное средство против анархии, поразившей сердце республики”. “Эта чудовищная анархия, причина всех наших бед,— говорилось далее,— не должна более продолжаться... Нужно, чтобы она была задушена, нужно, чтобы после стольких бурь, одна яростнее другой, корабль республики вошел в порт. Конституция — единственное, что может ввести его туда”<sup>53</sup>. Из дальнейшего текста становится ясно, что безотлагательное принятие конституции, основанной на буржуазно-демократических принципах, включая право на сопротивление угнетению, могло бы реабилитировать монтаньярский Конвент в глазах граждан Пюи-де-Дом.

Обращение не было отослано. Монтаньярский Конвент принял конституцию, и притом основанную на принципах, сходных и, во всяком случае, не противоречивших тем, которые указывали администраторы департамента Пюи-де-Дом. Зато народное общество Клермон-Феррана составило адрес к бордосцам, в котором восстание 31 мая оправдывалось именно потому, что оно предотвратило “полную дезорганизацию”, “разрушение всех социальных связей”. А федералистов авторы адреса обвиняли в том, что они своими действиями наносят ущерб республиканскому единству, которое является “единственной гарантией государственного долга, ценности ассигнатов, общей обороны и национальной независимости”<sup>54</sup>.

На позицию широких слоев городского, как и сельского, населения заметно повлияло сознание опасности, которую создавал федералистский мятеж для борьбы с контрреволюцией. Этот фактор особенно проявился в департаментах, которым угрожало вторжение интервентов или вандейцев,— в Арденнах, Ла-Манше, на западе и на границе с Испанией — и, безусловно, сыграл сдерживающую роль в развитии федералистского мятежа. Однако нельзя приписывать ему, как это делает Валлон<sup>65</sup> и некоторые другие историки, решающее значение.

Красноречива в этом отношении позиция властей Нанта. Когда на Нант двинулась вандейская рать, грозя грабежом и убийствами, власти города призвали на помощь комиссаров Конвента при Брестской армии, которых ранее собирались арестовать. Но как только штурм вандейцев был отбит, городские власти приняли решение не признавать комиссаров Конвента<sup>56</sup>. Мятеж продолжался.

Показателен также пример одного из юго-западных департаментов — Верхних Пиренеев. И эта область, пограничная с Испанией, была захвачена федералистским мятежом. Власти департамента 14—15 июня протестовали против событий 31 мая — 2 июня в Париже, но через несколько дней отвергли наиболее агрессивную часть предложений, сделанных прибывшими к ним делегатами из Жиронды<sup>57</sup>. В этот момент не приходилось и думать о вооруженных демаршах в поддержку федералистских требований: все наличные силы департамента были мобилизованы для защиты Байонны от наседавших испанцев<sup>58</sup>.

Некоторое время власти департамента Верхние Пиренеи занимали лояльную позицию. Характерна резолюция, принятая 10 июля. Усмотрев злоупотребления в военно-административной службе, совет департамента не пожелал, однако, вмешиваться, опасаясь, что “в нынешний момент, когда злонамеренные лица в преступных целях ищут повсюду средства для того, чтобы представить магистратов, истинных друзей республики, заговорщиками и врагами свободы, озабоченность должностных лиц, которые стремятся отомстить за небрежность или измену тем, кто пренебрегает или жертвует общественным делом, возможно, будет воспринята как узурпация власти, совмещение функций, чреватое угрозой для единства республики”<sup>59</sup>. Подчеркнутое в резолюции преклонение перед буквой закона оттеняет плохо скрываемое недовольство стремлением центральных властей и демократических сил на местах поставить под строгий контроль деятельность местной администрации и особенно департаментского звена ее, насквозь зараженного про жирондистскими настроениями. Под оболочкой покорности в Тарбе, столице департамента Верхние Пиренеи, зрело возмущение, и оно не замедлило проявиться при первом подходящем случае.

18 июля власти департамента воспротивились осуществлению распоряжения комиссаров Конвента о высылке из Тарба двух подозрительных лиц: бывшего королевского министра де-Жоли и его секретаря. Толпа отбила арестованных у охраны. Их восторженно приветствовали, а Жюльену, представителю центральной власти, угрожали арестом и расправой. «Конвент только месяц тому назад,— писал М. А. Жюльен по поводу этих событий, — был в центре всех надежд, конституция — всеобщим желанием. Народные собрания, закрытые для подозрительных, принимали только честных граждан, истинных друзей родины... Кто бы мог сказать, что через месяц все изменится, что Конвент будет публично унижен, конституция оклеветана, что люди подозрительные, укрывшиеся от справедливой строгости закона, устремятся из своих убежищ в тот самый зал, где честные граждане спокойно обсуждали общие дела, чтобы сеять раздор, глушить голоса патриотов, обманывать народ...? Что патриоты будут угнетены и общественное негодование будет заглушено, что осмелятся открыто выступать против республиканского единства, что один человек наберется наглости требовать полномочий для поездки в Бурж (где федералисты собирались созвать свой анти-Конвент. — А.Г.)... что станут предлагать установить отвратительную диктаторскую власть так называемой «народной комиссии общественного спасения»<sup>60</sup> (распространенное название руководящих органов федералистского мятежа. — А.Г.). Мы видим, что внешний фактор, в данном случае наступление испанцев, лишь приглушил прожирондистскую оппозицию, но не мог ликвидировать угрозы мятежа, который вспыхнул в самый момент принятия конституции: а ведь в Конвенте рассчитывали, что принятие конституции послужит средством «объединения всех французов»<sup>61</sup>.

Аналогичное положение было на восточной границе. Причину того, что вне федералистского мятежа оказались Страсбург, Нанси и другие крупные торгово-промышленные города Востока, буржуазия которых могла соперничать в богатстве и влиянии с купцами западных и южных городов, ставших центрами федерализма, следует искать не в патриотических чувствах местных буржуа, а в том, что стратегическое положение этих городов привлекало к ним особое внимание центральных властей. Мощное влияние на ход политической борьбы оказывала армия и не только своим физическим присутствием. Солдаты — санкюлоты, одетые в униформу — посещали, как правило, местные народные общества и вообще активно участвовали в политической жизни городов, где были расквартированы их части<sup>62</sup>. Да и военное командование проявляло интерес к поддержанию революционного порядка в ближайшем тылу армии.

В большом обзоре положения дел в Страсбурге орган Якобинского клуба «Journal de la Montagne», характеризуя ход борьбы в городе весной — летом 1793 г., отмечал, что в результате последних выборов вся администрация города и департамента оказалась «аристократической». «Если бы эти администраторы остались на своем месте, Страсбург явил бы собой такое же зрелище, как Лион и Марсель. Патриоты предвидели мятеж и постарались предупредить его. Если бы они предстали перед Конвентом одни, их бы не выслушали. К счастью, они призвали генералов поддержать их, и им дали комиссаров Конвента, которые частично очистили администрацию и выслали подозрительных»<sup>63</sup>.

Убежденных федералистов не могли сбить с занятых позиций ни угроза родине, ни декретирование конституции и другие акты монтаньярского Конвента. Для большинства же примкнувших первоначально к федералистскому движению это были веские аргументы. В конце июня — начале июля отменяют свои федералистские решения власти Вьенны, Верхней Вьенны, П'юи-де-Дом, Марны, Орн, Сарты, Дром, Дордони, Ньевра, Шаранты, Ло и Гаронны, Верхней Гаронны, отдельные администраторы и коммуны других департаментов. А там, где департаментские власти упорствовали в своих федералистских решениях, развивался процесс размежевания.

В департаменте Эн открытое неподчинение федералистским властям проявил дистрикт Нантуа: прокурор-синдик дистрикта, сообщая о получении решения властей департамента и о заседании в связи с этим совета дистрикта, писал 28 июня генеральному прокурору-синдику департамента, что администраторы Нантуа не поддерживают этого решения, потому что они считают, что Национальный конвент даже в дни 31 мая — 2 июня действовал свободно, иначе он пересмотрел бы свои решения, принятые в эти дни<sup>64</sup>. В департаменте Роны-и-Луары к концу июня «плохие принципы», с точки зрения федералистов, обнаружили Фер и Сен-Шамон<sup>65</sup>.

Основные центры федералистского мятежа превращались в островки, размываемые революционной волной. В июле наиболее прочные позиции федералисты сохраняли на северо-западе — в департаментах Бретани и Нормандии и на юге — в Эро, Гар, Буш-дю-Рон. Следует также упомянуть цепочку департаментов вдоль юго-восточной границы: Ду, Юра, Эн, Рона-и-Луара, Изер, Верхние и Нижние Альпы.

Федералисты Юга, как и федералисты Севера, находились в интенсивных сношениях между собой. На юге объединяющим центром был Лион. В то время, когда большинство федералистских администраций думало о том, как замолотить свои грехи перед Конвентом, здесь на совещаниях представителей ряда департаментов продолжали вынашиваться планы вооруженной борьбы и даже похода на Париж. Об этом очень выразительно свидетельствуют письма из Лиона, перехваченные комиссарами Конвента в альпийской армии.

В одном из них, написанном 24 июня делегатом федералистов Изера, говорится о результатах продолжительной беседы с представителями лионских секций, департаментов Жиронды, Эро, Верхние Альпы “о мерах, которые необходимо принять для спасения Республики”. “Пусть департаментская ассамблея (в Изере.— А.Г.) спешит, спешит, спешит с набором, организацией, вооружением и экипировкой департаментской стражи. Кажется, согласились утвердить, — резюмировали авторы письма итоги обсуждения, — департаментские силы, департаментские комиссии, подобные нашей ассамблее, и общереспубликанскую центральную комиссию, целью которой будет придание единообразия движению департаментских сил; эта комиссия будет наделена верховными полномочиями, которые она получит от народа через посредство департаментских комиссий, каждая из которых выделит одного или двух представителей”<sup>66</sup>.

Стремления федералистов Юга объединить свои усилия и силой добиться осуществления своих целей находят подтверждение и в другом письме из Лиона, написанном 25 июня. “Посланцы Экса (столица департамента Буш-дю-Рон. — А.Г.) прибыли вчера из Парижа, — писал неизвестный лионец своему другу в Гренобль (Изер). — Так как им было поручено справедливое дело, Конвент не захотел их выслушать. С подобными людьми можно говорить только языком пушек (курсив наш.— А.Г.): 40 пушек будет завтра поставлено на лафеты, кроме того, большое количество находится в арсенале”. Далее сообщалось о прибытии делегатов Марсея, вслед за которыми ждали подхода марсельского батальона, а также о пребывании в Лионе делегатов департаментов Жиронда, Монблан, Изер, Эро<sup>67</sup>. В Лион прибывали делегаты федералистских властей и из других департаментов. Мы можем, например, указать на федералистов департаментов Эн<sup>68</sup> и Ду<sup>69</sup>.

На северо-западе центром объединения федералистов стал Кан — столица Кальвадоса. Здесь 28 июня было создано Центральное собрание сопротивления угнетению из представителей властей департаментов Эр, Орн, Мен-и-Луара, Майенна, Иль и Вилен, Кот-дю-Нор, Нижняя Луара, Морбиган, Финистер, Кальвадос и решено создать армию из вооруженных отрядов департаментов. Во главе этих войск должен был встать генерал Вимпфен, командовавший армией Шербурского побережья. 8 июля этот замаскированный роялист обратился с воззванием к “честным гражданам Парижа”: “Негодяи говорят вам, что Феликс Вимпфен марширует против Парижа. Не верьте этому. Я выступаю к Парижу, за Париж и за спасение республики единой и неделимой... Я братаюсь с вами, но, — генерал переходил к угрозам, — мои приказы требуют уничтожения всех, кто станет мешать моему походу. Я разобью их и одержу победу”<sup>70</sup>.

Захватывая в конце июня при попустительстве Комитета общественного спасения одну за другой коммуны департамента Эр, федералистское воинство Северо-Запада в начале июля стало приближаться к Парижу. 13 июля его авангард достиг Брекурского замка в нескольких десятках километров от столицы. Вечером сюда подошел небольшой республиканский отряд — все, что оказался способен собрать Комитет общественного спасения за месяц<sup>71</sup>. Впрочем, и этого оказалось достаточно. Несколько выстрелов из пушек, и “республиканская и антианархическая армия Севера” разбежалась.

Одновременно встали на путь вооруженной борьбы южные федералисты. Бордоский отряд сделал вылазку на юго-восток, рассчитывая поднять угасший дух борьбы в департаментах Ло-и-Гаронна, Тарн, Верхняя Гаронна, а отряд департамента Гар и марсельцы, терроризовавшие Авиньон, попытались соединиться с лионцами. Судьба всех этих попыток была столь же плачевной. Бордосцы не решились даже выйти за пределы своего департамента<sup>72</sup>. Что касается марсельцев и их соседей, то они были отогнаны от Пон-Сент-Эспри корпусом из 4 тыс. человек под командованием Карто, созданным по инициативе комиссаров Альпийской армии Дюбуа-Крансе и Альбитта в значительной мере вопреки инструкциям Комитета общественного спасения<sup>73</sup>.

Но застраховаться от коварного удара из-за угла республика не смогла. 13 июля, в тот же день, когда ее земляки позорно бежали от Брекура, Шарлотта Корде убила Марата. Не доказано, что она выполняла задание федералистских вожakov, но они, несомненно, были ее идейными вдохновителями. Благодаря усилиям жирондистской пропаганды в федералистских департаментах не было более ненавистного имени, чем Марат. С Маратом, хотевшим, по словам Энгельса, чтобы революция “была

признана непрерывной”<sup>74</sup>. связывали тенденции к революционному террору, революционной диктатуре, радикальному эгалитаризму. И поэтому “маратизм” (maratisme) для жирондистов и их сторонников означал “кровожадность”, “стремление к тирании”, “подстрекательство к грабежам и убийствам”, а “маратистом” они называли каждого якобинца, каждого своего врага слева <sup>75</sup>. В том же Кальвадосе, где жила Корде, с именем Марата, по утверждению Мишле (отрицавшего, тем не менее, какую бы то ни было причастность жирондистов к действиям Корде), “связывали все преступления реальные или возможные”<sup>76</sup>.

Террористский акт 13 июля тоже, хотя и косвенно, раскрыл слабость федералистов. Собственно и мысль о нем возникла или окрепла у Корде тогда, когда во время смотра национальной гвардии в Кане на призыв организаторов похода против Парижа откликнулось всего лишь 30 человек. Партия крупной буржуазии оказалась генералами без армии. Если федералистские вожаки хотели продолжать активную борьбу за власть, они должны были обратиться за поддержкой к роялистам.

Роялисты объединились с контрреволюционной буржуазией во время переворотов в Марселе и Лионе весной 1793 г. Еще более ярко этот союз проявился во время события, характеризующего, как и другие выделенные нами события середины июля, переломный момент в развитии федералистского мятежа. 17 июля в Тулоне произошел контрреволюционный переворот, для организации которого объединились марсельские агенты, местные буржуа и роялисты — офицеры эскадры. Они воспользовались возмущением 5-тысячного коллектива рабочих Тулонского арсенала, вызванным предельным обесценением ассигнатов, и обеспечили нейтралитет рабочих, выплатив после прихода к власти часть зарплаты металлической монетой<sup>77</sup>.

Социальная база жирондистско-роялистского блока намечалась еще весной 1793 г. После народного восстания 31 мая — 2 июня процесс складывания этой базы стал протекать интенсивнее, и особенно показательно, что контрреволюционные настроения крупной буржуазии сильнее всего были заметны в основных очагах федералистского мятежа. Приведем несколько выписок из донесений агентов Исполнительного совета Сабонадьера и Фейделя о положении в департаменте Гар в конце лета 1793 г. Вот что пишет 31 июля о “классе капиталистов и людей с постоянным доходом” Сабонадьер: “Погруженные ежедневно в воображаемые операции со своим состоянием и доходами, одни позволяют угаснуть той вначале проявляемой ими любви к свободе, которая столь естественна для всех людей, другие позволяют ей ослабнуть...”<sup>78</sup>. Он же добавляет в донесении 16 августа: “Здесь довольно открыто говорят о контрреволюции; одни желают [прихода] испанцев, другие — англичан”<sup>79</sup>.

Фейдель, человек довольно умеренных взглядов, но широкого кругозора, выражается конкретнее. “В общем, — пишет он в начале сентября, — аристократия овладела в Ниме, как и в других местах, я не скажу богачами — это было бы ошибкой, — но купцами (negociants)”. Он же указывает на некоторые причины, в частности на “воспоминания о больших прибылях, которые получали мануфактуры Нима [от торговли] с испанцами”. Фейдель подмечает и контрреволюционные настроения среди зажиточного крестьянства. Он пишет об оливководов, которые “работают не для того, чтобы жить, а чтобы торговать, чтобы обогащаться”, что “такой крестьянин Гара становится роялистом, боясь влияния войны на цену его масла”<sup>80</sup>.

Сходные мотивы контрреволюционного “перерождения” буржуазии, связанной с внешней торговлей, отмечает другой агент, Перрен, на федералистском Северо-Западе. “Бедная часть жителей Гранвиля, — сообщает он 30 мая 1793 г., — настроена патриотически; купечество жалеет о старом режиме, потому что нынешние обстоятельства лишают его очень прибыльной торговли, которую оно вело обычно с англичанами”<sup>81</sup>.

В донесениях агентов не только указаны конъюнктурные мотивы, роялистские симпатии отдельных, хотя и наиболее влиятельных групп крупной буржуазии, — в них отмечены и общие причины буржуазной контрреволюционности (хотя, естественно, без должной оценки).

Из Нима, центра департамента Гар, Сабонадьер докладывал 31 июля: “Я заметил, что за предубеждениями и страхами существует нечто, властно воздействующее на негоциантов, самых богатых и отличающихся отменным патриотизмом, и я обнаружил вскоре, что они по-настоящему встревожены опасностью аграрного закона...”. Разумеется, Сабонадьер попытался (агенты занимались не только наблюдением, но и пропагандой) доказать буржуа нелепость их опасений в духе известной фразы Робеспьера, что “аграрный закон” — это “призрак, созданный плутами, чтобы пугать дураков”<sup>82</sup>. Но он столкнулся с “модифицированным” представлением об “аграрном законе”. Оказалось, что буржуа рассматривают принудительный заем как “разновидность аграрного закона”<sup>83</sup>.

Сотоварищ Сабонадьера Фейдель обнаружил, что “49/50 жителей Нима понимают под равенством прав не что иное, как равенство собственности”<sup>84</sup>. А когда Сабонадьер, сам страшившийся последствий осуществления принудительного займа, попытался возражать своим нимским оппонентам, он снискал прозвище “маратиста”, что, по его словам, “соответствует здесь (и не только в Ниме, как мы выше писали.— А.Г.), идее нивелирования в самых отвратительных и тревожных формах”<sup>85</sup>.

Мы видим, что ни конституция, освящавшая неограниченное право собственности, ни другие акты первого периода деятельности монтаньярского Конвента не успокоили федералистскую буржуазию Юга. Она чувствовала, что развитие революции, новый высший этап которой знаменовали собой восстание 31 мая — 2 июня и приход к власти якобинцев, угрожает ее собственности. В то же время они считали, как объяснил Фейделю один “господин”, что “короли подчиняют себе собственников, но уважают собственность”<sup>86</sup>.

Здесь, на Юге, и произошло самое тесное соединение федералистов и роялистов. Приведем еще одну, последнюю выдержку из донесений Фейделя. “Я заметил, — пишет он в сентябре из Нима, — что не сказал ни одного слова о федералистах. Это потому, что их здесь нет (в одном из центров мятежа. — А.Г.). Я не видел ни федералистов, ни роялистов. Я видел людей, которые ждут испанцев, других, которые согласятся остаться французами, если им возвратят старый режим, третьих, наконец, которые желают чистой теократии”<sup>87</sup>.

Почва, таким образом, была подготовлена, и сдача Тулона английской эскадре 28 августа была закономерным явлением. За три дня до падения федералистской власти в Марселе, начались переговоры мятежников с англичанами<sup>88</sup>. Такие же стремления обнаружил Бордо<sup>89</sup>. Сделка с интервентами была логическим завершением попыток жирондистов — партии крупной буржуазии — задержать развитие революции в интересах народных масс.

Подведем некоторые итоги. Нет необходимости при нынешнем уровне развития исторической науки оспаривать тезис А. Валлона, что федерализм был антитезой роялизма. А. Валлон не видел социального характера политической борьбы летом 1793 г. Но во всем ли можно согласиться с современным французским историком Годшо, когда он утверждает: “Это была борьба не между двумя политическими концепциями, а между двумя социальными группами: крупной буржуазией (the upper-middle class), поддержанной роялистами и испуганной развитием еще не исчерпавшей себя революции, и мелкой буржуазией (the lower-middle class), имевшей поддержку санкюлотов и решившей использовать крайние средства, чтобы обеспечить “общественное спасение” и разгромить всех врагов Франции: и внутренних и внешних”<sup>90</sup>.

Подчеркивая социальный характер конфликта, Годшо чрезвычайно сужает его, сводя дело к борьбе крупной и мелкой буржуазии как главных противников. В сущности, от такой точки зрения уже недалеко до тезиса ультралевого французского историка Д. Герэна, представлявшего борьбу между якобинцами и жирондистами как “ссору” внутри буржуазии<sup>91</sup>.

Советская историография, разработав в духе идей Маркса — Ленина понятие якобинского блока как коалиции революционной части буржуазии городов, плебейства и крестьянской массы, противостоящей крупной торгово-промышленной буржуазии, создала принципиальную основу для иной оценки событий лета 1793 г. Попробуем уточнить основную линию размежевания классовых сил в стране, прибегнув к показаниям очевидцев. Составим на основании некоторых наблюдений агентов Исполнительного совета, а также выдержек из других документов сводку, характеризующую состав партий защитников революции (“синих”) и ее врагов (“белых”) летом 1793 г.

Район	Датировка	“белые”	“синие”
Альпы <sup>1*</sup>	Осень	Судейский (homme de loi), негодник, “надменный собственник”	le cultivateur, ремесленник
Центр (Крёз) <sup>2*</sup>	”	Богачи и большинство зажиточных	Масса жителей
Запад (Вьенна) <sup>3*</sup>	Июль	Самая большая часть собственников и зажиточных людей	—
Северо-Запад <sup>4*</sup>	Июль—август	Негодники, бывшие дворяне, священники, поверенные и стряпчие (avocats ou procureurs)	Народ, т.е. остальная часть населения (кроме негодников, “бывших” и стряпчих).

Северо-Запад <sup>5*</sup>	Июль—август	Люди с доходом выше 5—6 тыс. франков	Люди, не имеющие ренты в 5—6 тыс. франков и выше
Северо-Запад <sup>6*</sup>	Август	Класс капиталистов, крупных негоциантов, богатых собственников и крупных фермеров в союзе с аристократами 1789 года и увлекший за собой нищих и бродяг.	Трудящийся и мастеровой народ (la elasse labourieuse et industrielle) деревень и городов
Лион <sup>7*</sup>	Июль	Негоцианты, поверенные и стряпчие, конторские люди, юристы (procureurs, avocats, clerks, commis), эмигранты, неприсягнувшие священники	

<sup>1\*</sup> Rapports..., t.1, p. 114.

<sup>2\*</sup> Ibid., p. 307.

<sup>3\*</sup> Rapports..., t.2, p.289.

<sup>4\*</sup> Ibid., p.389.

<sup>5\*</sup> Ibid., p.396.

<sup>6\*</sup> Ibid., p.216.

<sup>7\*</sup> Archives parlementaires, t.70, p.224.

Эти выборочные данные, несмотря на их фрагментарность, дают представление о расстановке сил. Несмотря на разнообразие оттенков, вызванное различиями в политических позициях агентов, в общем довольно умеренных, разную степень их пронизательности и опыта и специфику районов, они создают довольно яркую картину: против революции объединилась с роялистами богатая буржуазная верхушка французского общества. Среди этих “богачей”, крупных собственников выделяется фигура “негоцианта”.

В дореволюционной иерархии “негоцианты”, купцы (negociants), входя в третье сословие, занимали особое положение внутри его. Помимо того, что некоторые из них получили личное дворянство, в целом они указом 1767 г, рассматривались как “живущие благородно” и имеющие право носить оружие<sup>92</sup>. Такова была дань уважения королевской власти к экономической мощи этого слоя. Первоначальной функцией “негоциантов” была оптовая, особенно внешняя, торговля. Постепенно эти представители крупного торгового капитала устанавливают свой контроль и над производством, особенно товаров на экспорт или вырабатываемых из импортного сырья. Они поставляют сырье многочисленным категориям непосредственных производителей и сбывают готовую продукцию. В результате все — от кустарей-одиночек до хозяев мастерских — оказываются в полной зависимости от них.

Рядом с “негоциантами” в федералистском лагере занимают место их поверенные и подручные (все эти стряпчие, приказчики и т.д.). Именно они составляли обычно кадры мятежа в крупных городах. В деревне врагами революции наблюдатели называют крупных фермеров. Крупный фермер был таким же эксплуататором капиталистического типа, как и “негоциант” в городе. Его экономические позиции, его влияние на крестьянскую массу, весьма серьезные уже накануне революции и в ее начале<sup>93</sup>, еще более усилились в результате подрыва позиций дворянства в ходе революции. В 1793 г. распространенным явлением стали жалобы крестьян на “аристократию фермеров”<sup>94</sup>. К этим богачам в отдельных местах присоединялись “зажиточные”, т. е. собственники поменьше, та или иная часть средней буржуазии городов и имущих слоев деревни.

В лагере защитников революции мы видим малоимущую и неимущую часть Франции, ее трудовой народ. Здесь были и низшие слои городской буржуазии, люди с доходом около 5—6 тыс. франков в год, чей образ жизни и социальный статус были близки к положению народных масс<sup>95</sup>. Они населяли те же кварталы, что и рабочие мануфактур, подмастерья, представители предпролетариата. Зачастую они и работали бок о бок. Самостоятельные мастера-ремесленники, мелкие торговцы, бедные артисты и художники были наиболее грамотной, зрелой и политически активной частью народа. Они и возглавили его борьбу.

Но нельзя не видеть, что в основе сложившегося летом 1793 г. разделения страны на два социально-политических лагеря лежало не противоречие между крупными и мелкими собственниками, а антагонизм между эксплуататорской и трудовой Францией. Эксплуататорская, буржуазная, собственническая часть тяготела в общем к контрреволюции, поддерживала федералистов; трудящиеся, беднота оказались в целом на стороне революции, поддержали якобинцев<sup>96</sup>. Промежуточные слои поляризовались в ту или другую сторону.

Конечно, в тех исторических условиях, когда пролетариат еще не выкристаллизовался из общей массы трудящихся, когда среди трудовых слоев было много мелких собственников, подчас при личном труде эксплуатирующих и чужой труд, антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми не мог проявиться в политической борьбе достаточно ярко и широко.

Тем не менее даже в крестьянской среде порой выражали понимание того, что “богачи-горожане” — враги “добродетельного класса трудящегося народа” и их нужно обуздать<sup>97</sup>. Осознанием этого антагонизма проникнуто послание властей Монтелимара, которые угрожали лионским федералистам социальной местью их за политическое отступничество. “Страшитесь, — писали они лионцам, — как бы эти жители деревень, как бы ваши многочисленные рабочие не одумались (*ne se ravisent*) и не обнаружили, что они работают не на себя, а трудятся лишь для того, чтобы вы могли наслаждаться, во время как они потеют и страдают, живут в лишениях... Страшитесь, как бы, отойдя от принципов равенства, вы не оказались принуждены к слишком строгому уравнию”<sup>98</sup>.

Эксплуататорскую природу федералистов ярко обличало и народное общество Лассэ (Майенна), которое требовало конфискации их доходов, “сдобренных бдением и потом несчастных”, если они (федералисты. — А. Г.) не вернутся к исполнению своего долга<sup>99</sup>. В открытом письме своим землякам из департамента Жиронды офицер Мозельской армии призывал их не поддаваться на удочку федералистов. “Это все богатые собственники, — писал он. — Откуда возникли их богатства? Из кармана бедняги, затасканного по судам, из пота бедного моряка или земледельца. Равенство не может понравиться этим пиявкам, постоянно алчущим крови народной. Они не могут без дрожи видеть систему управления, которая лишает их средств домогаться роскоши и бесстыдной пышности”<sup>100</sup>.

Волонтеры 1-го батальона Роны-и-Луары видят в лионском мятеже стремление богачей сохранить железную власть “над бедным рабочим”, опасение, что принятие конституции покончит с “мерзким корыстолюбием”, с “разрушительными монополиями” и что богачам “придется признать бедняка равным себе”<sup>101</sup>. Тот же социальный рефрен и та же уверенность чувствуется в обращении 7-го батальона Роны и Луары, указывающего, что зачинщики мятежа в Лионе — “негоцианты”, у которых республиканский режим “отнимает орудие, при помощи которого они угнетали класс рабочих, заслуживающих уважения своим трудом”<sup>102</sup>. Вчерашние лионские бедняки, рабочие и ремесленники, ставшие солдатами республиканской армии, сумели увидеть в федералистском мятеже стремление богачей отстоять свое привилегированное положение, сохранить режим угнетения трудового люда. Враждебность федерализма-жирондизма трудовому народу, его угнетательская сущность еще задолго до 31 мая — 2 июня проявились в этом городе острых социальных контрастов. И тот факт, что именно в Лионе федералисты одержали свою самую внушительную победу и именно здесь сумели организовать самое упорное сопротивление, не меняет существа конфликта. “Можно сказать, что рабочий класс, хотя и разделенный, склонялся скорее к якобинцам”, — пишет Риффатер, и он приводит данные, красноречиво показывающие, на чьей стороне были симпатии трудового Лиона<sup>103</sup>.

Некоторые общие причины — малограмотность, политическая незрелость, социальная приниженность и зависимость от хозяина — богача-федералиста — помешали плебейству в Лионе и в ряде других крупных городов сыграть более активную роль в разгроме федералистского мятежа. Крайняя продолжительность и изнурительность рабочего дня сводили к минимуму возможность повседневного участия рабочих в политической жизни. “Рабочий, санкулотизм которого повсюду великое средство (*grande ressource*), — писал из Лиона агент министра иностранных дел Шепи, — обречен здесь на бессилие. Фабрикант так рассчитал его время и средства существования, что не оставил ему ни минуты для родины и поставил перед ним прискорбную альтернативу: быть революционером, не имея хлеба, или иметь пищу, не служа родине”<sup>104</sup>.

Кроме того, федералисты прямо пользовались зависимостью рабочих (и не только в Лионе) для их политического порабощения. Народные общества Гавра и Ингувилля в совместном заявлении, разоблачавшем контрреволюционные поползновения местных буржуа, указывали, в частности, что те “хотели поработить народ своими аристократическими мнениями (*assujettir le peuple a leurs aristocratiques opinions*) и обмануть или развратить его, предлагая в качестве цены... работу, которая упрочила бы его существование, в то время как они лишают ее санкулота добродетельного, независимого и неподкупного”...<sup>105</sup>. Так же действовала и буржуазия в Страсбурге. Отмечая, что в этом городе “богатые негоцианты ведут за собой народ”, редактор “*Journal de la Montagne*” Лаво объяснял это тем, что народ “своим физическим существованием зависит от богатых торговцев и фабрикантов города”<sup>106</sup>.

Сыграло свою роль в ходе политической борьбы летом 1793 г. и ухудшение материального положения широких слоев трудового народа как города, так и деревни в результате дороговизны, продовольственной нужды, свертывания отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Этот фактор умело использовала контрреволюционная пропаганда в городе и деревне. Она убеждала народ, что “новый режим предлагает только надежды, а не действительные выгоды”<sup>107</sup>, как указывал один из комиссаров Конвента, сообщая о распропагандированности деревни Верхней Луары священниками и городской буржуазией, привязанной к старому режиму. При этом контрреволюционеры добивались успеха там, где крестьянство относительно меньше выиграло от революции. В Вандее и других районах важной причиной успеха роялистской пропаганды была ненависть крестьян к городской буржуазии, скупившей в ходе революции национальные имущества и захватившей административные посты.

Подлинные настроения плебеев выражались в требованиях самой суровой расправы с федералистами, приравниваемыми к таким злейшим врагам плебейства, как скупщики и спекулянты ассигнатами (а также и роялисты)<sup>108</sup>. Сохранились документы, и мы приводили некоторые из них, раскрывающие ненависть к федералистам крестьянской массы, для которой они становились такой же враждебной силой, как прежние эксплуататоры — феодалы.

Разоружением плебейских секций в Лионе<sup>109</sup>, поползновениями обезоружить “рабочих и клубистов”<sup>110</sup>, обнаружившимися в Марселе, призывами, обращенными к собственникам и “порядочным людям”, объединиться против “разбойников”, “ничего не имеющих”, стремлением создать единый фронт имущих слоев города и деревни для защиты их собственности от неимущих<sup>111</sup> федералисты, со своей стороны, наглядно показали, кого они считают своим социальным врагом.

Федералистское движение явилось результатом определенной перегруппировки классовых сил и, в свою очередь, форсировало этот процесс. Гражданская война, расколовшая французскую нацию, принимала новый, несравненно более ожесточенный характер.

#### Примечания

<sup>1</sup> *H. Wallon. La Revolution du 31 mai et le federalisme en 1793, t.1—2. Paris, 1886.*

<sup>2</sup> ЦПА ИМЛ, ф.320, оп.2, ед.хр. 867, 945 (документы административных органов департамента Эн).

<sup>3</sup> Там же, ед. хр. 817, 867, 868, 945.

<sup>4</sup> *H. Wallon. Op.cit., t.2, p.315—316.*

<sup>5</sup> J. P. Brissot, depute de departement d'Eure-et-Loire, a ces commettans, sur la situation de la Convention nationale, sur l'influence des anarchistes et maux, qu'elle a causes, sur la necessite de l'aneantir pour sauver la Republique. — “Brissot, depute du departement Eure-et-Loire a ces commettans, precede d'autres pieces interessantes de Brissot”. Londres, 1794.

<sup>6</sup> ЦПА ИМЛ, ф.320, оп.2, ед.хр. 867.

<sup>7</sup> *H. Wallon. Op. cit., t.2, p.317—318.*

<sup>8</sup> ЦПА ИМЛ, ф.320, оп.2, ед.хр. 910.

<sup>9</sup> Там же, ед.хр. 985.

<sup>10</sup> Хотя подлинный текст обращения не сохранился, можно судить о его содержании по его воспроизведению в решениях других департаментских администраций. *H. Wallon. Op.cit., t.2, p.445—446.*

<sup>11</sup> *H. Wallon. Op.cit., t.2, p.352—353.*

<sup>12</sup> Все же это обращение имеет определенную ценность как указатель оппозиции Конвенту, судя хотя бы по официальной реакции. К сожалению, неизвестно в достаточной степени, какие департаменты поддерживали его. По некоторым данным, их было 53 (*H. Wallon. Op.cit., t.2, p.275—276*).

<sup>13</sup> См. *Archives parlementaires, 1 ser. t.74, p.415—482.*

<sup>14</sup> *Recueil des actes du Comite de salut publique avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil executif provisoire, publ. par A.Aulard, t.1—7. Paris, 1889—1894; Rapports des agents du ministre de l'interieur dans les departments (1793 — An. II). Publ. par P.Caron., t.I—II. Paris, 1913—1951 (далее - Rapports...).*

<sup>15</sup> *G. Martin. Le travail et capital a Nantes. Nantes, 1932, p.247.*

<sup>16</sup> *D. Rinchon. Pierre-Ignace-Lievain van Alstein capitaine-negrier. Gand, 1733 — Nantes, 1793. Dakar, 1964.*

<sup>17</sup> *E. Herriot. Lyon n'est plus, t.I. Paris, 1937, p.41.*

<sup>18</sup> *P. Becamp. La Revolution a Bordeaux (1789—1794). Paris—Bordeaux, [s. a.], p.105—106.*

<sup>19</sup> *C. Riffaterre. Le mouvement antijacobin et antiparisien a Lyon et dans le Rhone-et-Loire en 1793, t.I. Lyon, 1912, p.102.* (Второй том вышел в Париже в 1928 г.) (Далее: *C. Riffaterre. Mouvement...*).

<sup>20</sup> *Rapports...*, t.I, p.346.

<sup>21</sup> *Archives parlementaires, t.67, p.475.*

- <sup>22</sup> *H. Calvet*. Subsistances et federalisme, — *Annales historiques de la Revolution franchise*, 1931, p.237.
- <sup>23</sup> *Ibid.*, p.235.
- <sup>24</sup> *Ibidem*.
- <sup>25</sup> “*Journal de la Montagne*”, N 95.
- <sup>26</sup> “*Journal de la Montagne*”, N 52.
- <sup>27</sup> *R. Gerard*. Un journal de province sous la revolution. Paris, 1964, p.182—183.
- <sup>28</sup> *C. Riffaterre*. Mouvement..., t.I, p.324.
- <sup>29</sup> *C. Riffaterre*. Les revendications economiques et sociales des assemblies primaires de juillet 1793. — “*Bulletin trimestriel de la Commission des documents economiques de la Revolution*”, 1906, N 4, p.326—331, 336—338.
- <sup>30</sup> *Ibid.*, p. 333.
- <sup>31</sup> *A. Calvet*. Subsistances et federalisme..., p.237.
- <sup>32</sup> См. донесения агентов министра внутренних дел из департамента Гар. *Rapports...* t.I, p.346—357.
- <sup>33</sup> Они характеризуются нами на основе обзора Р.Батикля: *R. Baticle*. Le plebiscit sur la constitution de 1793. — “*Revolution francaise*”, t.58, 1910, p.193—211, 339—340.
- <sup>34</sup> *R. Baticle*. *Op. cit.*, p.194—195, 203—204; *C. Riffaterre*. *Revendications...*, p.353—380.
- <sup>35</sup> *C. Riffaterre*. *Revendications...*, p.326—331, 336, 337.
- <sup>36</sup> *R. Baticle*. *Op. cit.*, p.195, 204; *C. Riffaterre*. *Revendications...*,
- <sup>37</sup> *C. Riffaterre*. *Revendications...*, p.360—380.
- <sup>38</sup> Свидетельством того, что в городе задавали тон собственнические слои, причастные к земледелию, явилось голосование конституции, во время которого секции Сен-Флура выступили с характерным протестом против подушного раздела общинных земель на том основании, что он создает угрозу прибыльности хозяйства (см. *C. Riffaterre*. *Revendications...*, p.333).
- <sup>39</sup> *Archives parlementaires*, t.70, p.161.
- <sup>40</sup> *C. Riffaterre*. *Revendications...* p.355.
- <sup>41</sup> *Archives parlementaires*, t.72, p.180—181.
- <sup>42</sup> *Archives parlementaires*, t.70, p.146—117, 283; t.72, p.179.
- <sup>43</sup> ЦПА ИМЛ, ф.320, оп.2, ед.хр. 913.
- <sup>44</sup> *Archives parlementaires*, t. 68, p. 138, 296.
- <sup>45</sup> “Наши деревни достаточно хороши, — пишет Фуркад 15 июля. — Я с нетерпением жду созыва первичных собраний. Я надеюсь, что вопреки горожанам республика будет провозглашена”. *Rapports...*, t.I, p.385; см. также p.114, 379; t.2, p.287, 504, 510, 560.
- <sup>46</sup> “*Revolution francaise*”, 1933, p.71—74.
- <sup>47</sup> “*Journal de la Montagne*”, N 36.
- <sup>48</sup> “*Moniteur*”, t.17, p.156.
- <sup>49</sup> ЦПА ИМЛ, ф.320, оп.2, ед.хр. 867.
- <sup>50</sup> Для умеренных, мы думаем, эти слова имели значение в своем прямом смысле. Для жирондистов, “ультра”-федералистов при “господстве” якобинцев и строгий революционный порядок был “анархией” и строго регламентированный принудительный заем — “грабежом”, “разновидностью аграрного закона” (см., например, донесение Сабонадьера из департамента Гар. — *Rapports...*, t.I, p.348).
- <sup>51</sup> *Rapports...*, t.II, p.102, 126.
- <sup>52</sup> *F. Mege*. Le Puy-de-Dome en 1793 et le proconsulat de Couton. Paris, 1877, p.467.
- <sup>53</sup> *Ibid.*, p.70—72.
- <sup>54</sup> *Ibid.*, p.471—475.
- <sup>55</sup> *H. Wallon*. *Op cit.*, t.I, p.353.
- <sup>56</sup> *Archives parlementaires*, t.67, p.471; t.69, p.101—104
- <sup>57</sup> *H. Wallon*. *Op. cit.*, t.2, p.109—111.
- <sup>58</sup> ЦПА ИМЛ, ф.317, оп.1, ед.хр. 43.
- <sup>59</sup> ЦПА ИМЛ, ф.317, оп.1, ед.хр. 153.
- <sup>60</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 218.
- <sup>61</sup> *A. Aulard*. La Societe des jacobins, t.V. Paris, 1895, p.266.
- <sup>62</sup> Вот только один пример. Под петицией народного общества Гавра в Конвент, разоблачающей, в частности, “аристократизм определенной части жителей”, стоят и подписи волонтеров из Дордони (ЦПА ИМЛ, ф.317, оп.1, ед.хр. 227).
- <sup>63</sup> “*Journal de la Montagne*”, N 92.

- <sup>64</sup> ЦПА ИМЛ, ф.320, оп.2, ед.хр. 1658.
- <sup>65</sup> Recueil des actes du Comité de salut public avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du Conseil exécutif provisoire. Suppl., t. I. Paris, 1966. p.398.
- <sup>66</sup> Ibid., p.396.
- <sup>67</sup> Ibid., p.398.
- <sup>68</sup> ЦПА ИМЛ. ф.320, оп.2, ед.хр. 985.
- <sup>69</sup> Там же, ед.хр. 2031.
- <sup>70</sup> *H.Wallon*. Op.cit., t.I, p.456—457, 536.
- <sup>71</sup> Еще 16 июня под влиянием критики слева Комитет общественного спасения решил “защитить Вернон, Паси, Пон-дель-Арш достаточной вооруженной силой”. Однако, надеясь больше на увещания специально посланных к федералистам комиссаров, Комитет к решающему моменту успел собрать меньше полутора тысяч бойцов против вдвое превосходившей их численно “армии” федералистов. (Archives parlementaires, t.66, p.605—606, 671—672; Recueil des actes..., t.IV, p.577; *A.Montier*. Robert Lindet. Paris, 1899, p.120).
- <sup>72</sup> Они остановились у Ланжона (см.: *H.Wallon*. Op. cit., t.2, p.186).
- <sup>73</sup> Recueil des actes..., t.IV, p.475, 479, 483.
- <sup>74</sup> *Ф.Энгельс*. Маркс и “Neue Rheinische Zeitung”. — *К.Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т.21, стр.20.
- <sup>75</sup> См., например, обращение М.-А.Жюльена к жителям департамента Верхние Пиренеи (ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 218); письмо комиссаров Альпийской армии о замыслах федералистов арестовать как “маратистов” всех “bons citoyens” Гренобля (Recueil des actes..., Suppl., t.I, p.396) и др.
- <sup>76</sup> *J.Michelet*. Histoire de la Revolution francaise, t.4. Paris, 1889, p.476.
- <sup>77</sup> Recueil des actes..., t.V, p.383—392.
- <sup>78</sup> Rapports..., t.I, p.350.
- <sup>79</sup> Ibid., p.352.
- <sup>80</sup> Ibid., p.354—355.
- <sup>81</sup> Rapports..., т.2, p.302.
- <sup>82</sup> Archives parlementaires, t.63, p.197.
- <sup>83</sup> Rapports..., t.1, p.348.
- <sup>84</sup> Rapports..., t.1, p.356.
- <sup>85</sup> Ibid., p.348.
- <sup>86</sup> Ibid., p.356.
- <sup>87</sup> Ibid., p.357.
- <sup>88</sup> *H.Wallon*. Op.cit., t.2, p.240—241.
- <sup>89</sup> “Journal de la Montagne”, N 94, 107.
- <sup>90</sup> “The new Cambridge modern history”, vol.9. Cambridge, 1965, p. 278.
- <sup>91</sup> *D.Guerin*. La lutte des classes sous la premiere republique. Bourgeois et “bras nus” (1793—1797), t. I. Paris, 1946, p. 100—132.
- <sup>92</sup> *G.Lefebvre*. Etudes orleanaises, t.I. Paris, 1962, p.201.
- <sup>93</sup> См. *Ж.Лефевр*. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936, стр.81.
- <sup>94</sup> *C.Riffaterre*. Revendications..., p.344.
- <sup>95</sup> См. об этом, в частности, *G.Lefebvre*. Etudes orleanaises, t.1, p.213—216.
- <sup>96</sup> Деление происходило, конечно, не только по горизонтальной линии, но и по вертикали. Были отличия в позиции капиталистов, успевших к этому времени включиться в военное производство (например, в Монтобане).— См. *D.Ligou*. Montauban a la fin de l’Ancien regime et au debut de la Revolution. Paris, 1958, p.287. Имели значение религиозные мотивы. Так, протестантские слои даже в районах федерализма, как правило, оказывались на стороне революции. Довольно существенные различия были в позиции зажиточного крестьянства районов grande culture и малоплодородных департаментов. Но все эти моменты не могут скрыть главной тенденции разделения французского общества.
- <sup>97</sup> Archives parlementaires, t.72, p.180—181.
- <sup>98</sup> Archives parlementaires, t.69, p.540.
- <sup>99</sup> Ibid., p.409.
- <sup>100</sup> “Journal de la Montagne”, N 88.
- <sup>101</sup> Archives parlementaires, t.70, p.42.
- <sup>102</sup> Ibid., p. 180.
- <sup>103</sup> *C.Riffaterre*. Mouvement..., t.I, p.103—105, 173—174, 176 sqq.

<sup>104</sup> *E.Herriot*. Op. cit., t.I, p.196.

<sup>105</sup> ЦПА ИМЛ, ф.317, оп.1, ед.хр. 227.

<sup>106</sup> “Journal de la Montagne”, N 92.

<sup>107</sup> Recueil des actes..., t.VI, p 572.

<sup>108</sup> Archives parlementaires, t.74, p.6.

<sup>109</sup> *C.Riffaterre*. Mouvement..., t.I, p.251—253.

<sup>110</sup> *R.Gerard*. Op.cit., p.181.

<sup>111</sup> Recueil des actes..., Suppl., t.I, p.397.